

Андрей Добролюбский

Мой Жаботинский

В 1966 году я стал студентом исторического факультета Одесского университета. Это произошло, пожалуй, как бы во исполнение фамильной традиции – мой дед, профессор Константин Павлович Добролюбский (1885-1953 гг.), был известнейшим в Одессе историком, в свое время бессменным деканом этого факультета и заведующим кафедрой всемирной истории. С ним я был знаком лишь по воспоминаниям родителей и бабушки – дед умер, когда мне было лишь три с лишним года от роду. Но зато его портрет тогда висел как у нас в доме, так и в деканате истфака, как бы ориентируя смысл, или семейный «сценарный заказ», моего дальнейшего профессионального существования. А оставшаяся после деда библиотека сохранялась нетронутой в одном из книжных шкафов (он так и назывался – «дедушкин шкаф»), куда я до поступления в университет почти никогда не заглядывал.

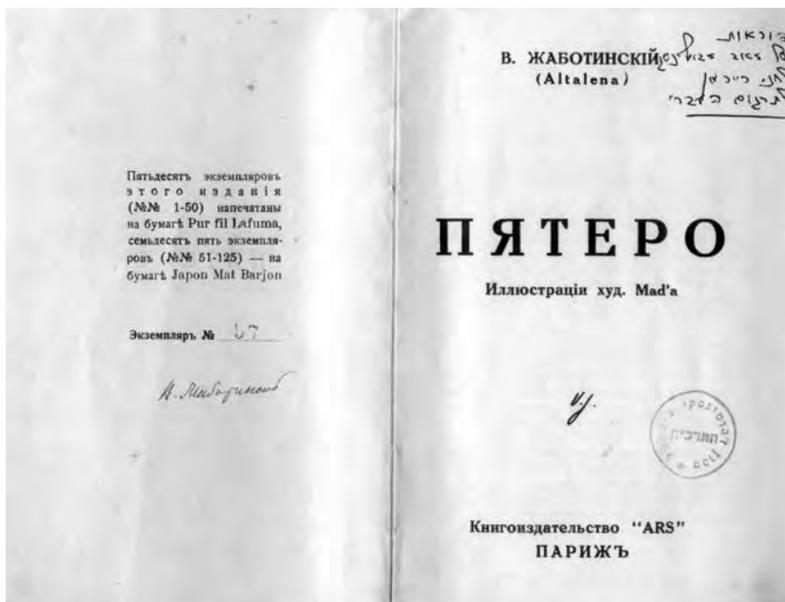
Наверное, это происходило от переизбытка книг в доме. Дело в том, что мой отец профессор Олег Константинович Добролюбский был очень увлеченным книголюбом*. Собирательство книг было, пожалуй, его сильнейшей жизненной страстью, которой он отдавался с неиссякаемым энтузиазмом. В результате у нас в семье во времена моей молодости была едва ли не самая большая в городе (по количеству) частная библиотека. Она размещалась довольно стихийно в более чем десятке книжных шкафов, а также на этих шкафах, а что не помещалось – на антресолях. Отец не сумел ее хоть как-то каталогизировать. Не сумели этого сделать и два последующих поколения нашей семьи.

* Константин, Андрей и Юлия Добролюбские. Семейный архив. – Одесса: Optimum, 2004, с. 212-213.

Зато мы все ее активно «потребляли». И хотя отец был более чем сдержан (мягко говоря) в том, чтобы книги выносились из дому «на почитать» (требовалось особое разрешение), его дети (моя старшая сестра Ксана и я) беспечно давали читать книжки при любой возможности множеству своих друзей, приятелей и знакомых. Увы, многие книги так были нами утрачены безвозвратно.

В этом книжном раздолье и изобилие никого не интересовал скромный дедушкин шкаф, и никому не приходило в голову в него залезать. До тех пор, пока он мне не понадобился как студенту-историку. Для подготовки к занятиям. Действительно, среди многих ожидаемых мною исторических книг (Константин Павлович был специалистом по новой истории) и конспектов дедушкиных лекций оказалась немалая подборка книжек, газет и документов по истории Одессы предвоенного времени, а также времен немецко-румынской оккупации. Для меня она тогда оказалась более чем экзотичной и неожиданной. Так, это были почти полные подшивки газеты «Молва» за 1942-43 гг., издававшейся немецкой администрацией, а также «Одесской газеты», которую выпускали румынские власти. Там я, в частности, почерпнул, что живу на улице имени маршала Антонеску. Не менее впечатлял сборник национально-патриотических речей ректора Одесского университета (при румынах) профессора Часовникова и его сподвижников. С огромным интересом я проглотил книгу некоего профессора В. Соковнина «24 года под игом большевиков», изданную в Одессе в 1943 году. А также получил редкую возможность просмотреть объемный том протоколов допросов по делу об убийстве А.М. Горького. В общем, на этой полке оказался основательно запылившийся кладезь неведомой и раритетнейшей информации по истории Одессы и СССР до 1944 года. Там же я нашел и скромную книжку в картонной коричневой обложке некоего Владимира Жаботинского под названием «Пятеро», изданную в Париже в 1936 году.

Кем был этот Жаботинский, я понятия не имел. Тогда все знали лишь одного Жаботинского – Леонида, знаменитого штангиста-тяжеловеса, олимпийского, кажется, чемпиона и гордость

Парижское издание книги Владимира Жаботинского «Пятеро»

всего Советского Союза. Я даже сначала было подумал, что это его какой-то родственник.

Я показал книжку своей сестре Ксане, которая, по моему тогдашнему убеждению, знала все. И не ошибся. Ксанка сказала: «Ух, ты!» – и немедленно улеглась читать. Жадно.

Здесь нужно оговориться, что в нашем доме, а вернее, в Ксаниной комнате, был один из центров сбора молодого интеллектуального «бомонда» (в нынешней терминологии – «тусовки») города. Это отразилось в одесской литературе – с пронзительной ностальгией описано Юрием Михайликом в стихотворении «Памяти Ксаны Добролюбовской» (множественно переиздавалось), в очерке Евгения и Валентины Голубовских «В единственном доме...»*, а также в книге Марины Панченко и Галины Мещеряко-

* Там же, с. 8-17, 211.

вой «Ксана, Андрей и другие...»**. В общем, у нас бывало немало людей, которые уже тогда прекрасно знали, кто такой Владимир Жаботинский. И поэтому его книга, так сказать, немедленно «пошла по рукам». Мне, ее «открывателю», пришлось даже стать в очередь. Как самому младшему.

Оглядываясь сейчас, из своего времени, на ту эпоху, не могу не изумиться – найти в собственном доме в конце 1960-х годов довоенное парижское издание Жаботинского – вещь совершенно немыслимая! Родители толком ничего тогда объяснить мне не смогли. Или не слишком хотели – они вообще были встревожены, что я роюсь в этой весьма опасной тогда литературе. Ее действительно было страшновато держать в доме.

Но мне повезло. Потому что друзьями моих родителей в те времена оказалась чета Боровых – Эмилия Израилевна, близкая подруга моей матери, и Саул Яковлевич – отчасти ученик и младший коллега дедушки. После смерти Константина Павловича Боровые много лет навещали нас по разным праздникам. Мы с Ксаной расспросили Саула Яковлевича о нашей находке. И вот что он нам поведал за нашим семейным столом.

После возвращения из эвакуации в 1944 году Константину Павловичу было поручено руководством обкома партии возглавить авторский коллектив по написанию книги по истории Одессы в связи со 150-летним юбилеем ее основания. Саул

Владимир (Зеев) Жаботинский

** Панченко М.А., Мещерякова Г.С. Ксана, Андрей и другие...: Сборник воспоминаний. – Одесса, 2015, с. 7-56.

Яковлевич входил в этот коллектив. Работа была срочная, и для авторов были созданы некоторые особые жизненные льготы – им было разрешено пользоваться электроэнергией (ограниченно), а также всей необходимой литературой, в том числе и спецхрановской, на дому. Формально это было непозволительно, и поэтому ни в каких документах не отразилось. Так к моему деду и попали книги и газеты, которые я отыскал четверть века спустя.

А книга «Одесса. Очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания» была издана в 1947 году Одесским областным издательством. Но... предоставляю слово самому Саулу Яковлевичу: «Неожиданно наступила катастрофа... Первый секретарь обкома в эти дни поехал в Киев. Там он решил продемонстрировать это «достижение» и вручил нескольким руководящим товарищам экземпляры книги. Книга начиналась, понятно, с портретов Ленина и Сталина. Но на первых же страницах, где речь шла о «начале» Одессы, были помещены портреты традиционных «основателей» Одессы – Дерибаса и Ришелье. Кто-то из руководящих товарищей... с неудовольствием обратил на это внимание, и этого оказалось достаточным, чтобы руководство обкома приняло решение не пускать книгу в продажу...»*. А затем она была подвергнута идеологической чистке, изъята из всех библиотек, ее тираж был пущен под нож. Сохранились считанные экземпляры. Самыми крамольными были сочтены сведения об еврейских погромах в начале XX века, в главе, написанной профессором С.Я. Боровым, – он использовал как источник наш экземпляр книги Жаботинского. А также глава «Черные дни Одессы», написанная профессором К.П. Добролюбским, где были «довольно полно и правдиво описаны зверства оккупантов, их «национальная политика», уничтожение еврейского населения и т. д.»**. Эти сведения были почерпнуты из упомянутых книг и газет, сохранившихся в дедушкином шкафу.

В результате Константин Павлович попал в опалу, но власти его почему-то не тронули. Видимо, «по состоянию здоровья». Или

* Саул Боровой. Воспоминания. – Москва-Иерусалим, 1993, с. 305.

** Там же, с. 307.

по недосмотру. А Саула Яковлевича вскорости выгнали с работы. Как бы там ни было, дед умер в начале 1953 года, о книгах из спецхрана, вероятно, все попросту «забыли». И они продолжали лежать у нас в доме, дожидаясь своего часа.

Дождался этого «часа» и роман «Пятеро». Наш семейный экземпляр пошел по рукам и как будто даже был растиражирован на пишущей машинке. Я читал этот роман, будучи в том возрасте, в каком был Владимир Евгеньевич, живя в Одессе в начале прошлого века. И помимо завораживающего литературного мастерства автора был очарован неожиданной близостью, а порой и полным совпадением наших ощущений в восприятии «легкой атмосферы» родной Одессы. Казалось, за 70 лет ничего не изменилось. Действительно, обстановка, стиль и образ жизни того круга людей, с которыми я общался, наше времяпрепровождение типологически казались очень похожими. Точно так же, как и молодой Жаботинский, «...я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошыгнуть по Дерibasовской... королеве всех улиц мира сего... как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался...». Мы валялись многочисленными веселыми компаниями на тех же скалах и пляжах Ланжерона, Малого и Среднего Фонтана, Аркадии, где прошла молодость Жаботинского. Мы точно так же катались на лодках с девушками и бесконечно ели арбузы, пили сухое вино и лузгали «семочки» – ритуал, сближающий все сословия. Мы гуляли по винным погребкам – «бодегам» – и любовались былым «великолепием беспечной сытой Одессы». И когда напивались, порой изрядно, то зачастую выдержанные и снисходительные милиционеры помогали добираться домой. Точно так же, «когда студенты буянили... – пишет Жаботинский, – появлялись городовые и околоточные... и выводили студентов за локти, а надзиратель шел позади и почтительно приговаривал: «Пожалуйста, господин студент, как же так можно...».

Гостеприимный дом семейства Мильгромов с многочисленными Марусиными «пассажирами» типологически был в моих

глазах необычайно похож на наш «странноприимный дом» на Успенской, 7, времен Ксаниных «тусовок», куда гости просто приходили, их предоставляли самим себе, они могли есть, спать, пить, оставаться ночевать и т. п. В общем, делать все, что заблагорассудится:

...Там, за ее спиной слоистый дым нетающий,
Лабораторный спирт, разбавленный на треть,
Странноприимный дом, прибежище, пристанище,
Как некуда потом, как некуда и впредь...

– грустил Юрий Михайлик.

То же происходило на нашей даче в Аркадии, куда компании перекочевывали летом... На пляжах мы торчали целыми днями.

Сейчас я пишу эти строки, пребывая в куда более преклонном возрасте, чем Жаботинский, писавший роман «Пятеро». И невольно сравниваю свою студенческую и аспирантскую молодость – вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х годов, – когда мне посчастливилось прочесть этот роман, с описанным в нем временем – концом XIX – началом XX веков. Возникает ощущение, что эти эпохи типологически подобны. И исторически они как бы «рифмуются». Если оглянуться на «брежневскую пору» с высоты сегодняшних дней, то она выглядит достаточно спокойным, относительно беспечным, сытым и благополучным временем. Советская империя стояла несокрушимо, как монолит. Первый удар по ее незыблемой мощи нанесла афганская война – 1979 год... Через 12 лет Советского Союза не стало...

А первые удары по «великолепию беспечной сытой Одессы» и всей могущественной Российской империи начала XX века были нанесены русско-японской войной 1904 года, революцией 1905 года, вспыхнувшими еврейскими погромами... Через 12 лет Российской империи не стало. Об этом сказано в романе «Пятеро», об этом же пишут профессора К.П. Добролюбский и С.Я. Боровой в своей книге об Одессе, запрещенной обкомом партии... Вот такая историческая рифма получается...

Наш, изрядно зачитанный семейный экземпляр «Пятеро» в середине 1970-х гг., через несколько лет после рождения моей стар-

шей дочери Юли, потерял один из моих приятелей. Мой отец был прав – давать читать любимые книги навывнос всегда рискованно. Тогда мы все были очень огорчены. Зато Юле повезло иначе – при достижении ею того возраста, в коем я читал этот роман, книга Владимира Жаботинского была переиздана (2000 год) и подарена нашей семье Евгением Голубовским – старинным Ксаниным другом. Так у моей дочери появилась возможность прочесть эту прекрасную книгу. А еще через десяток лет (2011 год) издательством «Optimum» была воссоздана и книга «Одесса. Очерк истории города-героя» под редакцией профессора К.П. Добролюбского*.

* Одесса. Очерк истории города-героя к 150-летию со дня основания. Очерки. – Одесса: Optimum, 2011. – 322 с.: ил.